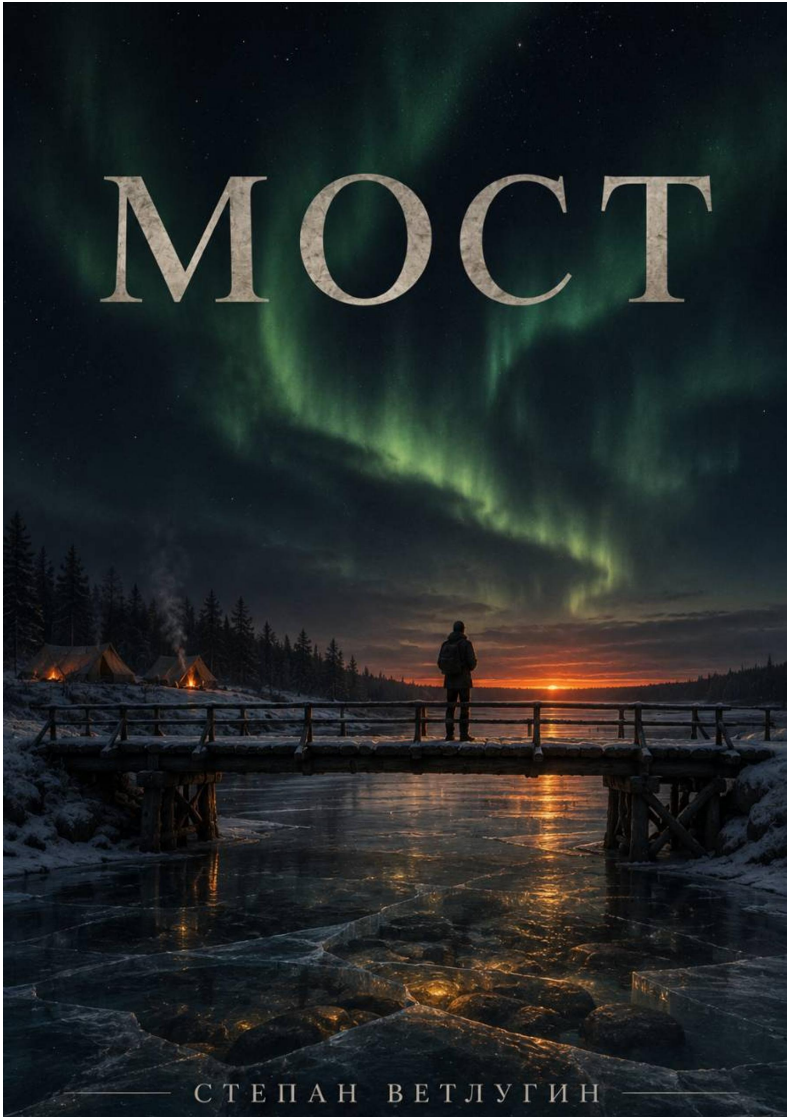

МОСТ
СТЕПАН ВЕТЛУГИН

Степан Ветлугин
Мост

https://litres.ru/74734319
SelfPub; 2026

Аннотация

Город начался с моста. Его строили зимой, при кострах, через реку, которая тогда ещё текла по земле, - и назвали город по нему, потому что больше назвать было не по чему.

Шестьдесят с лишним лет из жизни северного Мостового глазами одной семьи: как он строился, как светился огнями до самого горизонта, как всем городом встречал солнце после полярной ночи - и как постепенно затих.

Предыстория к будущему роману «Не рассказывай сны». Можно читать до него или после.

Содержание

1959. Мост 4
1963. Руда 10
1971. Доски 16
1977. Солнце 20
Конец ознакомительного фрагмента. 22

Степан Ветлугин
Мост

1959. Мост

Мост появился в этих краях прежде домов, улиц и людей. Оттого и посёлок назвали по нему: других примет у здешних мест тогда попросту не было.

Осенью пятьдесят девятого тут были только шесть брезентовых палаток геологической партии, буровая вышка да баня, сколоченная из ящиков из-под аммонала: геологи уверяли, что пар в ней от этого злее. Всё хозяйство жалось к левому берегу Серебрянки. Река была неширокая, метров сорок, бурая от торфа, и имя своё получила не за воду, а за лёд: зимой он выходил таким прозрачным, что сквозь него виднелось дно, и в ясный день камни внизу блестели, будто кто-то рассыпал по ним мелочь. На правом берегу, в двух километрах от воды, геологи нашли руду.

Бригада Фёдора Хромова добралась сюда в октябре, когда солнце ещё вставало, хоть и ненадолго, и бродило низко над тундрой, как больной по коридору. Прибывших работников было немного: девять плотников, два тракториста и повариха Дуся. Сам бригадир в свои тридцать два успел повидать немало переправ. Сапёром он застал последний год войны,

потом строил их на Двине и под Архангельском и с тех пор твёрдо знал: сначала ставят мост, а уж потом думают, кому по нему ходить.

От последней железнодорожной станции до Серебрянки было двести с лишним километров, и пути через них не существовало вовсе: тундра, болота, которые ещё не успели встать, да редкие вешки, оставленные геологами. Ехали три недели, на санях за тракторами. Ночевали в балках, жались к железным печкам, и Дуся умудрялась кормить всех горячим, даже когда ветер опрокидывал котёл и щи приходилось варить заново. Плотники ворчали, что их завезли на край света. Дуся отвечала, что край был два дня назад, его проехали, и жаловаться теперь поздно.

Первую ночь на берегу Фёдор не спал. Сидел у костра, курил одну самокрутку за другой и слушал реку. Серебрянка ещё не встала и шумела в темноте ровно, без передышки, будто за стеной кто-то без конца наливал воду в огромный таз. Вокруг на сотни километров не было ни одного огня, кроме этого костра, и Фёдору подумалось, что если сейчас подняться над землёй, как самолёт, то никакого посёлка внизу не увидишь: только крошечную рыжую точку в темноте. Точку, которую можно задуть.

Утром он разметил створ.

Геологи встретили бригаду с плохо скрытым облегчением. Их было десять человек, и они жили на этом берегу с весны: искали, бурили, мёрзли, спорили над картами и счи-

тали дни до отъезда. Начальник партии, сутулый мужчина в очках, перемотанных изолентой, первым делом показал Фёдору образцы — тяжёлые серые камни в деревянных ящиках, подписанные химическим карандашом. Хромов повертел один в руках, пожал плечами и вернул. Камни его не занимали. Его интересовала река: какое дно, какой лёд, где самое узкое место и куда весной пойдёт вода. Об этом геологи знали мало, и Фёдор полдня ходил по берегу один, тыкая в воду длинным шестом и что-то записывая в блокнот.

Брёвна приходилось везти с юга, а зимней дороги ещё не было, так что начали с неё. Гать через болота клали в три наката, трактора вязли, и однажды целый день ушёл на то, чтобы вытащить один из них из трясины, в которую тот провалился по самую кабину. Потом забивали сваи в мёрзлый грунт, отогревая землю кострами. Огонь не гас круглые сутки, и к ноябрю, когда солнце перестало вставать совсем, только по огням и можно было понять, где кончается берег и начинается река.

В декабре едва не утонул Сенька Ряхин, самый молодой в бригаде.

Лёд у свай был ещё тонкий, и ходить по нему запрещали строго, но у Сеньки выскользнул из рук топор, проехал по льду метров пять и остановился, поблёскивая в свете прожектора. Таких на всю бригаду было одиннадцать, и за каждый Фёдор спрашивал лично. Сенька подумал секунду и шагнул.

Хруст услышали все. Звук был короткий, сухой, как будто переломили толстую ветку. Сенька ушёл под воду сразу, по самые плечи, и уцепился за край полыньи, а лёд крошился у него под пальцами, и парень даже не кричал, только хватал ртом воздух.

Фёдор лёг на лёд раньше, чем кто-нибудь успел сообразить, что произошло. Пополз, толкая перед собой багор, и, когда до полыньи оставалось метра два, выставил его вперёд.

— Хватай. Двумя руками. Не дёргайся.

Сенька схватил. Пальцы у него уже не гнулись, и держался он, кажется, не руками, а одним страхом. Фёдор тянул медленно, без рывков, спиной чувствуя, как лёд под ним проседает и снова выпрямляется, будто дышит. Потом подбежали остальные, легли цепью, схватили бригадира за валенки, и через минуту Сенька лежал на берегу у костра, синий, трясущийся, с обледеневшей чёлкой, и всё ещё сжимал в кулаке топор.

— Достал, — выговорил он, стуча зубами. — Фёдор Палыч, я его достал.

— Дурак ты, — беззлобно отозвался Хромов. — Ещё раз полезешь на тонкий лёд — сам тебя утоплю.

Сеньку растёрли спиртом, завернули в два тулупа, а Дуся отпоила его чаем с малиновым вареньем, которое берегла с самой дороги. Ночью Фёдор вышел к полынье. Её уже затягивало: вода чернела, густела, на ней проступала мутная плёнка. Река не злилась и не прощала. Ей просто не было

никакого дела до людей, которые копошились у неё на берегу. Фёдор постоял и вернулся в палатку. Эту мысль он никому не рассказывал.

— Фёдор Палыч, а на кой он тут, мост? — спросил через неделю Сенька, уже здоровый и снова болтливый. — Там же ничего нет.

Парень кивнул на правый берег. Там действительно ничего не было: снег, темнота и ровная земля без единого бугра до самого горизонта, которого в полярную ночь всё равно не разглядеть.

Хромов затянулся самокруткой и долго смотрел в ту же сторону.

— Пока нет. А лет через десять там будет комбинат. Через двадцать — город. И какой-нибудь начальник станет ездить по нашему мосту на "Волге" и даже не заметит, что под ним река.

— Обидно, — шмыгнул носом Сенька.

— Это и есть хорошая работа. Когда её не замечают.

Мост закончили в феврале. В день, когда забили последнюю скобу, впервые за три месяца показалось солнце, краешком, на несколько минут, над самой кромкой тундры, и вся партия — геологи, плотники, трактористы и Дуся в мужском тулупе — высыпала на лёд смотреть. Свет лёг на мост косо, жёлто, и новые брёвна в нём стали медовыми. Один закричал "ура", другой заплакал, хотя потом оба отпирались.

Последнюю скобу Фёдор вбивал сам. Вторая, запасная,

так и осталась у него в кармане ватника, и он её почему-то не вернул на склад.

Первым по мосту проехал трактор с санями, гружёнными буровыми трубами. Хромов прошёл следом пешком до середины и остановился. Внизу, под прозрачным льдом, лежали камни, и солнце зажгло их все разом, будто на дне реки включили маленький город.

Хромов обернулся. За спиной дымили палатки и стояли люди. Впереди не было ничего — только ровная белая гладь, за край которой уже опускалось солнце. Фёдор постоял ещё немного и вернулся к своим. Почему-то ему не хотелось первым ступать на тот берег.

Весной из области пришла бумага: присвоить посёлку наименование. Начальник партии, человек без всякого воображения, долго грыз карандаш, а потом спросил у Дуси, что у них тут вообще есть. Дуся подумала и ответила, что есть мост.

Так и записали: Мостовой.

1963. Руда

Коле Хромову было семь лет, когда отец впервые посадил его себе на плечи и велел смотреть внимательно, потому что такое бывает один раз.

Мать привезла его в Мостовой двумя годами раньше, летом шестьдесят первого, когда от станции уже ходили грузовики по новой дороге, а на месте геологических палаток стояли бараки, склад, контора и столовая с длинными столами, покрытыми клеёнкой. Прежнюю жизнь, в Котласе, у бабушки, Коля почти забыл. Вспоминалось только, что там росли деревья, а здесь их не оказалось вовсе, и первое время он всё допытывался, куда их дели. Мать объясняла, что тут им зябко. Коля долго их жалел и не понимал, почему людям не холодно, а деревьям холодно.

Посёлок за эти годы вырос так, что Фёдор Павлович, когда приезжал с другого участка, иногда останавливался посреди улицы и подолгу оглядывался, будто не узнавал места. На правом берегу, там, где когда-то была одна ровная белизна, теперь поднимались корпуса комбината: серые коробки цехов, копёр над шахтой, высокая труба обогатительной фабрики, ещё не дымившая. На левом строили первые пятиэтажки, кирпичные, с балконами, и это казалось чудом: в бараках ничего подобного не водилось. Улицу ещё никак не называли, говорили просто "где каменные дома". Школа по-

мещалась в бараке, отопление в ней было печное, и в сильные морозы учительница разрешала сидеть на уроках в шубах.

Деревянный мост через Серебрянку стоял как ни в чём не бывало. По нему ездили грузовики и автобус до станции, шли люди на смену и со смены. Начальники ездили на "Победе", а не на "Волге", но в остальном Фёдор оказался прав: никто не замечал, что под мостом река.

Первую руду отправили в марте. К этому дню готовились месяц. На площади у конторы сколотили трибуну, обтянули её кумачом, повесили портреты. Из области прилетели два начальника в одинаковых пыжиковых шапках, а из Ленинграда — корреспондент с фотоаппаратом. Духовой оркестр, собранный из всех, кто хоть когда-нибудь держал в руках трубу, неделю репетировал в столовой марш, и Дуся, которая так и осталась в Мостовом и заведовала теперь этой самой столовой, грозилась выгнать их всех на мороз, потому что от марша у неё прокисало тесто.

Коля сидел у отца на плечах, и сверху ему было видно всё: трибуну, красную и праздничную на фоне синей полярной темноты; толпу, такую огромную, что он и не подозревал, сколько в Мостовом народу; прожектора, бившие в небо; пар изо ртов; красные флажки в руках у детей. А главное — самосвалы. Их стояло пять, огромных, тёмно-зелёных, с кузовами выше барака, и в каждом громоздилась гора чёрно-серых камней, присыпанная снегом.

— Пап, это и есть руда?

— Она самая.

— Она некрасивая.

Фёдор Павлович засмеялся, впервые за весь вечер. Потом сунул руку в карман ватника и вытащил оттуда камень величиной с куриное яйцо.

— На. Смотри.

Коля взял. Камень оказался неожиданно увесистым для своего размера, холодным и шершавым. Серый, как всё вокруг. Но когда Коля повернул его к прожектору, внутри что-то вспыхнуло: мелкие золотистые искры, будто в камень вмёрзли крошки света.

— Ух ты, — выдохнул он.

— Вот за этим сюда все и приехали, — пояснил отец. — За искрами. Только их из камня надо достать. Для этого и комбинат.

— А потом что?

— А потом из них сделают что-нибудь нужное. Провода, машины. — Фёдор Павлович пожал плечами, и Коля качнулся, едва не потеряв шапку. — Я, Колька, мосты строю. Мне что из руды сделают, без разницы. Мне главное, чтобы по мосту довезли.

Начальник в пыжиковой шапке говорил с трибуны долго. Коля почти ничего не понял, кроме того, что Мостовой теперь будет большим, что здесь вырастет город на тридцать тысяч человек, что будут школы, больница, Дом культуры и даже бассейн. Про бассейн Коля не поверил, но все вокруг

зааплодировали, и он тоже захлопал, зажав камень в варежке.

Потом оркестр заиграл свой марш, громко и почти не фальшиво, и первый самосвал тронулся к мосту.

Все двинулись следом, по обеим сторонам дороги, с флажками и криками, и Коля, возвышаясь над головами, видел, как тяжёлая машина въезжает на деревянный настил. Мост вздохнул. По-другому этот звук назвать было нельзя: брёвна приняли вес, просели, скрипнули — длинно, низко, будто старик поднимается с лавки. Отец под Колей вдруг стал твёрдым, как столб, и не дышал, пока самосвал не съехал на другой берег. Потом прошёл второй, третий. Мост вздыхал под каждым.

— Пап, ему тяжело?

— Тяжело, — честно признал Фёдор Павлович. — Его на трактора строили. На сани. Про такие махины тогда никто и не думал.

— А он сломается?

— Не сломается. Мы его на совесть делали. — Отец помолчал. — Но бетонный нужен. Я им уже третий год говорю.

Бетонный мост поставят ещё через восемь лет, чуть выше по течению, а деревянный разберут, оставив в реке только сваи. Но тогда, в шестьдесят третьем, этого никто не знал, и Коля просто смотрел, как пять самосвалов один за другим пересекают реку и уходят в темноту, к станции, где их ждал поезд.

Дуся в тот вечер кормила всех бесплатно. Начальство разрешило ей потратить на праздник месячный запас сгущёнки, и она напекла столько блинов, что ими можно было выстлать дорогу до самого моста. Детей она усаживала отдельно, в углу, за длинный стол, и подкладывала каждому, приговаривая, что на первой руде голодным быть нельзя, примета плохая. Коля съел девять блинов и спрятал десятый в карман, для отца, а отец потом нашёл его в Колиной варежке, раздавленный и холодный, и съел, не поморщившись.

Вечером в столовой были танцы. Детей отправили по домам, и Коля долго не мог уснуть в их комнате в бараке, где за фанерной перегородкой кто-то храпел, а за другой ругались. Он лежал и сжимал в кулаке камень, который отец так и не забрал. Потом не выдержал, встал, отодвинул занавеску на окне и прижался носом к холодному стеклу.

Из окна было видно реку и мост. По мосту шли грузовики, уже обычные, рабочие, со светящимися фарами, и на тёмной воде, ещё не схваченной у берегов льдом, их огни дробились и дрожали. Фар было много, одна за другой, будто кто-то тянул через реку бусы. А дальше, на правом берегу, горели окна цехов, фонари на копре, прожектор на трубе фабрики.

Отец вернулся поздно, пахнущий морозом и табаком, и застал Колю у окна.

— Ты чего не спишь?

— Смотрю.

Фёдор Павлович постоял у него за спиной. Потом присел

на корточки, чтобы видеть то же самое, что и сын.

— Знаешь, когда мы приехали, тут один костёр горел. Один на всю тундру. А теперь вон сколько света.

— Это ты сделал?

— Не я один. — Отец потрепал его по шапке, которую Коля так и не снял. — Но мост — я.

Камень с золотыми искрами Коля хранил всю жизнь. Сначала в коробке из-под монпансье, потом на полке, потом в ящике с инструментами. Никому, кроме сына, он его не показывал, да и сыну — всего однажды, повторив то, что когда-то услышал от отца: за этим сюда все и приехали.

1971. Доски

Бетонный мост открыли в августе, и в тот же день Семён Ряхин понял, что старый ему жалко больше, чем он думал.

Ему было тридцать. Он давно перестал быть Сенькой для всех, кроме Фёдора Павловича, работал механиком в автоколонне, был женат на Зое из столовой, растил двух сыновей и считал себя человеком серьёзным. Но когда на новом мосту, широком, сером, с перилами из труб, перерезали ленточку и по нему с гудками покатила первая колонна самосвалов, Семён оглянулся на старый, деревянный, стоявший ниже по течению, и у него вдруг сжалось горло.

Старый мост выглядел маленьким. Он и раньше был небольшим, но рядом с новым казался почти игрушечным: тёмный, низкий, с прогнувшимся посередине настилом, с перилами, которые столько раз латали, что в них не осталось ни одного родного бревна. За двенадцать лет по нему прошли тысячи самосвалов, автобусов, тракторов, и каждый раз он вздыхал под ними, и каждый раз выдерживал. Теперь он стоял пустой, перегороженный с двух сторон полосатыми щитами с надписью "Проезд закрыт", и по нему никто не шёл.

Разбирать его начали через неделю. Бригаду собрали из молодых, из тех, кто приехал в Мостовой недавно и для кого он был просто грудой старых досок. Работали они весе-

ло, споро, с транзисторным приёмником на перилах, и к обеду первого дня уже сняли треть настила. Доски сбрасывали на берег, в кучу, откуда их грузили в самосвал и увозили на свалку за посёлком.

Семён пришёл на берег после смены. Постоял, посмотрел. Потом увидел, что у кучи досок, в стороне от всех, стоит Фёдор Павлович и разглядывает одну из них, поворачивая её к свету.

— Фёдор Палыч.

— А, Сенька. — Хромов не обернулся. — Глянь-ка.

Семён подошёл. Доска была толстая, тёмная от времени, почти чёрная сверху и медовая на срезе. Поперёк неё тянулась глубокая выбоина, гладкая, отполированная.

— Это гусеница, — пояснил Фёдор Павлович. — Помнишь первый трактор с трубами? Он тогда на середине буксанул, я ещё думал, проломит. Не проломил. А след остался.

— Помню.

Ещё бы Семён не помнил. Каждый день той зимы стоял у него перед глазами: костры, мороз, полынья, багор, спирт, малиновое варенье Дуси. И слова бригадира про хорошую работу, которую никто не замечает, тоже. Двенадцать лет он ездил по этому мосту и действительно ни разу не задумался, что под ним река.

— Лиственница, — продолжил Хромов, проводя ладонью по доске. — Ей сносу нет. Её на свалку жалко.

— Так возьми, Фёдор Палыч. Кто тебе слово скажет?

Хромов наконец посмотрел на него, и Семён увидел, что глаза у бригадира усталые и какие-то растерянные. Он такого взгляда у него раньше не видел. Ни тогда, на льду, ни потом.

— Возьму, — решил Фёдор Павлович. — Пару штук. Помоги дотащить.

Они выбрали четыре доски, самые целые, и понесли их через весь посёлок к сараю Хромовых, за бараками, которые ещё стояли на окраине. Несли вдвоём, по одной, взвалив на плечи, и встречные оборачивались: два взрослых мужика тащат с реки какие-то старые доски. Кто-то окликнул их, спросил, не на дрова ли. Фёдор Павлович не ответил, а Семён огрызнулся: не на растопку, мол, — и больше никто не приставал.

— А на что они тебе? — не выдержал он, когда последняя доска легла в сарае на козлы.

— Не знаю пока. — Фёдор Павлович вытер лоб рукавом. — Пусть полежат. Придумаю.

Он закурил, сел на порог сарая, и Семён присел рядом. Летний вечер был светлый, солнце висело над тундрой низко и не собиралось садиться, а от реки доносился стук молотков и музыка из транзистора.

— Знаешь, Сенька, что самое странное? — проговорил вдруг Хромов. — Я всю жизнь мосты ставил. На Двине, под Архангельском, тут. И ни разу не видел, как их разбирают. Ставишь — и уходишь. А что с ним потом, тебя уже не касается.

— Так новый же лучше, — осторожно возразил Семён. — Широкий. Бетонный. Сто лет простоит.

— Лучше, — согласился Фёдор Павлович. — Только его не мы ставили.

Он докурил, затоптал окурок и поднялся.

Через две недели от старого моста не осталось ничего, кроме свай. Их выдёргивать не стали: невыгодно, да и мешать никому не будут. Сваи так и торчали из воды двумя рядами, чёрные, обросшие водорослями, и мальчишки ныряли с них летом, а зимой выбивали вокруг лунки и ловили хариуса.

Доски пролежали в сарае Хромовых семь лет. Фёдор Павлович иногда заходил туда, проводил ладонью по выбоине от гусеницы и уходил, ничего не трогая. Однажды жена спросила, когда он наконец выкинет этот хлам, и он ответил так резко, что она больше не спрашивала.

Семён Ряхин тоже их не забыл. Через много лет, когда у его внука Саньки родился первенец, дед смастерил для правнука маленькую табуретку и долго жалел, что не взял тогда у реки хотя бы одну доску себе. Табуретка вышла хорошая, крепкая. Но из обычной сосны.

1977. Солнце

Галя Сафонова приехала в Мостовой в декабре семьдесят седьмого и первые три недели была уверена, что её обманули.

Последние двести километров она летела на "Аннушке", маленьком зелёном биплане, где вместо кресел были откидные лавки вдоль бортов, а за стюардессу — бортмеханик в унтах, проспавший всю дорогу на мешке с почтой. Машину трясло так, что Галя держалась за лавку обеими руками и смотрела в круглое окошко. Внизу не было ничего. Ни огонька, ни дороги, ни дерева — только темнота с едва различимой белизной, и Галя никак не могла понять, земля это или облака. Потом впереди вдруг показалась россыпь огней, яркая, плотная, похожая на горсть углей, брошенных на чёрную скатерть, и бортмеханик, проснувшись, ткнул в окошко пальцем:

— Мостовой. Приехала, девонька.

В институте ей рассказывали про северные надбавки, про двойной отпуск и квартиру через пять лет. Про то, что солнца не будет совсем, тоже предупреждали, но Галя, выросшая в Кирове, не представляла себе, как это — совсем. Оказалось, это значит, что в одиннадцать утра на улице темно, как в одиннадцать вечера, только магазины открыты. Что лаборатория обогатительной фабрики, куда её распределили, за-

лита светом так, что режет глаза, а выходишь за проходную — и ничего. Что ресницы на морозе склеиваются, а батареи в общежитии на Заречной такие горячие, что на них сушат валенки и пекут картошку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.